

Когда сіюгунъ въ 1868 году былъ низведенъ на положеніе простаго дайміо, его доходы, 8,000,000 коку риса, перешли къ правительству, за исключеніемъ 700,000 коку. Титулъ хатамото былъ упраздненъ и тѣ, кто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ имѣлъ этотъ титулъ, были раззорены и разсѣялись по всей странѣ; и изъ самого гордаго, высокобѣрнаго и богатаго класса въ Япониі они сдѣлались бѣднѣйшими изъ бѣдняковъ. Нѣкоторые занялись торговлей, восполняя запасы товаровъ изъ фамильныхъ драгоценностей, другіе сдѣлались ронинами, меньшинству же было позволено раздѣлить измѣнившуюся судьбу сіюгунской фамиліи, глава которой извѣстенъ въ настоящее время подъ именемъ князя Токугава. Такимъ образомъ разошлись по всей странѣ около 80,000 человекъ.

Коку риса, которымъ измѣрялись доходы, были различной цѣнности. По самой дешевой оцѣнкѣ—это немного больше 10 рублей, а иногда и втрое больше этого. Жалованье чиновникамъ платилось рисомъ; слѣдовательно, многочисленный классъ въ странѣ былъ заинтересованъ въ поддержаніи цѣны на рисъ. Отсюда понятна та оппозиція, съ которой было встрѣчено установленіе свободной торговли рисомъ въ странѣ; отсюда такъ называемые «Рисовые бунты».

IV.

ХАРА-КИРИ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

У японцевъ самымъ дорогимъ институтомъ, къ которому они проявляли самую упорную приверженность при началѣ новой эры, былъ институтъ хара-кири. Смерть черезъ хаѳа-кири считалась самой почетной. Имена тѣхъ, кто мужественно встрѣтилъ этотъ родъ смерти, передавались и передаются, для назиданія потомства, изъ рода въ родъ. На этомъ институтѣ воспитались лучшія черты японскаго характера. Внутренній смыслъ и значеніе этого узаконеннаго временемъ и жизнью національнаго японскаго обычая и борьба, съ которой была связана его отмена, разобраны въ первой главѣ представленной мною работы. Въ виду той несомнѣнной важности, которую придаютъ японцы этому институту, а также и потому, что это самобытное явленіе японской жизни, представляющее большой интересъ для всякаго иностранца, еще и теперь не вытѣснено совершенно изъ жизни (нынѣш-

нимъ дѣломъ было два случая совершенія хара-кири въ Японіи—разумѣется, не публичныхъ), я счелъ нужнымъ дать подробное описаніе его. Оно взято изъ книжки Митфорда «Tales of old Japan» и представляетъ собою переводъ съ одного рѣдкаго манускрипта на японскомъ языкѣ.

Сенпуку (хара-кири) есть видъ самоубійства, практиковавшійся между самураями, когда имъ не оставалось другого выхода, какъ умереть. Нѣкоторые изъ самураевъ совершали сенпуку по своей собственной волѣ; другіе, — совершившіе преступленія, которыя, однако, не ставили ихъ вѣвъ охраны привилегій самурайскаго класса, — кончали свою жизнь такимъ образомъ, по приказанію своихъ высшихъ. Какъ вполнѣ естественно, общимъ и абсолютно необходимымъ условіемъ было, чтобы самъ совершающій сенпуку, свидѣтели и секунданты, участвующіе при сенпуку, были хорошо ознакомлены со всѣми церемоніями, соблюдаемыми при этомъ. Много лѣтъ тому назадъ одинъ дайміо пригласилъ къ себѣ нѣсколько лицъ, свѣдущихъ въ различныхъ церемоніяхъ, и просилъ ихъ разъяснить ему смыслъ разныхъ формъ и обрядовъ церемоніала, который долженъ соблюдаться официальными свидѣтелями, присутствующими при хара-кири за тѣмъ, чтобы удостовѣрить голову умершаго и пр. — и далѣе научить его также всѣмъ церемоніямъ, соблюдаемымъ при этого рода самоубійствѣ; самъ же онъ показалъ и растолковалъ всѣ эти обряды своему сыну и своимъ приближеннымъ. Другой авторъ говоритъ, что церемоніи, которыя соблюдаются лицомъ, совершающимъ хара-кири, свидѣтелями и секундантами — дѣло очень большой важности и посему люди должны быть хорошо знакомы съ вещами, которыя такъ ужасны, для того чтобы, когда придетъ время участвовать при хара-кири, они не могли бы быть застигнуты врасплохъ.

Свидѣтели нужны для того, чтобы видѣть и удостовѣрить фактъ самоубійства. Въ секунданты выбираются люди, наиболѣе свѣдущіе въ военномъ искусствѣ. Въ старое время, бывало, люди хорошо помнили все, относящееся до хара-кири, но нынѣ (говорится о времени передъ паденіемъ феодализма) вошло въ моду быть полнымъ невѣждой въ церемоніяхъ, связанныхъ съ сенпуку и, если въ рѣдкихъ случаяхъ преступникъ поручается заботамъ дайміо, для совершенія надъ собой хара-кири, то бываетъ, что, никто изъ приближенныхъ или слугъ князя не въ состояніи исполнить обязанностей секунданта и при ходится посрѣдственно приглашать людей совершенно постороннихъ, чтобы они могли отрубить голову осужденнаго; — на этотъ

день человекъ тотъ мѣняетъ свое имя и дѣлается номинально вассаломъ пригласившаго его князя: все равно будетъ-ли онъ изъ средняго, или низшаго класса самураевъ, дѣло поручается ему и такимъ образомъ затрудненіе кое-какъ улаживается; и прискорбно то, что это вовсе не считается чѣмъ-нибудь постыднымъ. Весьма большимъ нарушеніемъ всѣхъ требованій этикета является, если секундантъ, который облеченъ столь важными обязанностями, дѣлаетъ какую-нибудь ошибку (напр. не отсѣчетъ головы однимъ ударомъ) въ присутствіи свидѣтелей, присланныхъ правительствомъ. Вотъ почему въ секунданты долженъ приглашаться самый искусный человекъ и вотъ почему, чтобы скрыть малодушіе своихъ собственныхъ людей, князь долженъ выполнять церемонію столь несовершеннымъ образомъ. Между тѣмъ, каждый самурай долженъ умѣть отрубить голову и, слѣдовательно, приглашеніе въ качествѣ секунданта чужого человека равносильно обвиненію собственныхъ слугъ князя въ недостаткѣ воинскихъ добродѣтелей, а это должно быть горше смерти для самурая. Однако, молодые люди, по своей юношеской горячности, способны быть опрометчивыми и черезъ это, конечно, дѣлаютъ ошибки. У нѣкоторыхъ нѣтъ недостатка въ умѣньи владѣть мечемъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, но они теряютъ присутствіе духа при публичномъ совершеніи хара-кири и не могутъ оказать всей справедливости самимъ себѣ и своей ловкости. Въ силу сказаннаго представляется тѣмъ болѣе важнымъ (такъ какъ самый актъ совершенія хара-кири имѣетъ мѣсто лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ), чтобы люди, которые, по своему положенію, могутъ быть призваны либо самимъ совершить хара-кири, либо служить свидѣтелями, или секундантами для другихъ, должны постоянно подвергаться строгимъ испытаніямъ въ искусствѣ владѣть мечемъ и должны быть хорошо знакомы со всѣми обрядами, касающимися хара-кири, для того чтобы, когда придется приложить свои знанія къ дѣлу, не потерять присутствія духа.

По словамъ одного древняго авторитетнаго писателя, смертная казнь можетъ совершаться двоякимъ образомъ: либо чрезъ обезглавленіе, либо чрезъ повѣшеніе. Церемонія хара-кири была причислена къ этимъ видамъ смертной казни впослѣдствіи и является привилегіей самурайскаго класса, которой онъ можетъ воспользоваться въ случаѣ осужденія на смерть отдѣльныхъ своихъ членовъ. Этотъ обычай получилъ силу закона во время сіогунской династіи Асикага (1336—1568 г.г.), когда былъ выработанъ весь кодексъ церемоній, сопутствующихъ совершенію этого акта самоубійства; на практикѣ же послѣдній существовалъ съ незапамятныхъ временъ Эпоха Асикага была временемъ большихъ смутъ и междоусобій въ Японіи. Въ

это время находились люди, которые, сражаясь за ту, или другую сторону, попадали въ плѣнь къ противнику; хотя они, очевидно, не были виновны ни въ государственной измѣнѣ, ни въ невѣрности по отношенію къ своимъ феодальнымъ князьямъ, тѣмъ не менѣе, по обычаю страны, они подлежали наказанію. Влачить этихъ людей къ публичному мѣсту казни по городу связанныхъ, какъ обыкновенныхъ преступниковъ, — съ тѣмъ чтобы все-народно отрубить имъ головы, казалось невыносимо жестоко, и вотъ тутъ-то и напали на мысль почетнаго самоубійства черезъ вспарываніе живота, дабы доставить нѣкоторое облегченіе и утѣшеніе отшедшему отъ тѣла духу. И въ позднѣйшее время, когда приходилось осудить самурая на смерть за совершеніе преступковъ, неунижающихъ достоинство самурая, правительство посылало свидѣтелей въ домъ осужденнаго, который, принявши ванну и одѣвши новое платье, повинаясь приказаніямъ вышнихъ, кончалъ жизнь свою такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не теряя званія самурая. Это такой законъ, за который люди по всей справедливости должны быть благодарны.

О МѢСТѢ СОВЕРШЕНІЯ ХАРА-КИРИ.

Въ старое время церемонія хара-кири обыкновенно совершалась въ храмѣ: такъ, въ 3-ій годъ правленія Канъ-ей (1626 г.) одинъ человѣкъ, будучи обвиненъ въ измѣнѣ, по приказанію своего господина, вспоролъ себѣ животъ въ 14-ый день 1-ой луны въ храмѣ Кицидзю-дзи, въ Комагоме, въ Едо. 18-тью годами позже приближенный одного даймю, поссорившись съ матросомъ въ Осакѣ, убилъ его; по окончаніи слѣдствія, произведеннаго губернаторомъ, самурая было приказано совершить хара-кири въ 20-ый день 6-ой луны въ храмѣ Сокусандзи, въ Осакѣ. Въ годы правленія Сіохо (середина XVII ст.) одинъ человѣкъ, обвиненный въ гнусномъ поведеніи, совершилъ хара-кири въ храмѣ Симпукудзи, на улицѣ Кодзи-мац; въ Едо. На 4-ый день 5-ой луны 2-го года правленія Меиреки (1656 г.) одинъ человѣкъ совершилъ сеппуку въ храмѣ Хонсейдзи за то, что отомстил за смерть мужа своей двоюродной сестры въ мѣстѣ Симидзудани, на улицѣ Кодзимаци. Въ 26-ой день 6-ой луны 8 го года правленія Емпо (1680 г.) на поминальной службѣ въ годовщину смерти прежняго сіюгуна Генъ-юинъ сама, Наито Идзуми но Ками, озлобившись на Нагаи Синано но Ками, убилъ его однимъ ударомъ короткаго меча въ главномъ залѣ храма Дзодзюдзи въ Едо, гдѣ хоронились сіюгуны; Идзуми но Ками былъ арестованъ и на слѣдующій день совершилъ хара-кири въ Киридоси, въ храмѣ Сеирюдзи.

Въ позднѣйшія времена хара-кири совершалось ночью, во дворцѣ, или въ саду даймю, на попеченіе котораго былъ отданъ осужденный. Соверше-

ніе хара-кири во дворцѣ, или въ саду зависѣло отъ офіціального положенія даннаго лица. Даймію и подзнаменные (хатамото), какъ само собою понятно, и приближенные сіюгуна умирають во дворцѣ; самураи болѣе низкаго ранга должны умирать въ саду. Вассалы даймію, смотря по рангу фамиліи послѣднихъ, занимающіе положеніе выше класса капитана и имѣющіе командирскій жезлъ, умирають во дворцѣ; всѣ же остальные въ саду. Когда лица, участвующія въ обрядѣ хара-кири, находятся въ какомъ-нибудь сомнѣвіи относительно того или другого пункта потребнаго въ данномъ случаѣ церемоніала, то за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія они должны обращаться къ компетентнымъ людямъ. Въ началѣ XVIII ст., въ годы правленія Генроку, Асано Такуми но Ками совершилъ хара-кири во дворцѣ даймію Тамура; такъ какъ это случилось слишкомъ внезапно и неожиданно для всѣхъ, то садъ былъ покрытъ циновками, поверхъ же циновокъ былъ положенъ коверъ, и все дѣло хара-кири совершилось при такой обстановкѣ. Существуетъ, однако, мнѣніе, что было неправильно поступать такимъ образомъ по отношенію къ даймію, какъ будто дѣло шло о простомъ самураѣ. Между тѣмъ, изъ историческихъ записей мы знаемъ, что въ прежнее время существовалъ также обычай совершать церемонію на кожаномъ коврѣ, разостланномъ въ саду, при чемъ надлежащее мѣсто для постилки ковра было внутри изгороди, устроенной въ саду, изъ связанныхъ между собою кольевъ; поэтому люди, знакомые съ одной только формой церемоніи, несправедливо обвиняють Тамура въ томъ, что онъ будто бы дѣйствовалъ неправильно. Впрочемъ если его цѣлью при этомъ было сохранить свой домъ отъ оскверненія кровью, то обвиненіе въ неправильности его дѣйствій вполне умѣстно, ибо приготовленіе мѣста для хара-кири является дѣломъ большой важности.

Раньше было принято, что для лицъ важныхъ, совершающихъ хара-кири, площадь огороженнаго мѣста должна равняться 36 футамъ въ квадратѣ. Одинъ входъ въ оградѣ долженъ быть сдѣланъ на южной сторонѣ, другой на сѣверной; дверь на югъ—вѣчная дверь, называлась сюги-іомонъ (дверь упражненія въ добродѣтели); сѣверная же—умбаммонъ (дверь теплой чашки¹⁾). Двѣ циновки съ бѣлыми²⁾ каймами должны были разстилаться въ видѣ молота—одна подъ прямымъ угломъ къ другой; полотнище бѣлаго шелка, въ 6 футовъ въ длину и 4 въ ширину, клалось на той циновкѣ, что лежала вдоль; по четыремъ угламъ устанавливались столбы для занавѣсей. Впереди двухъ циновокъ воздвигалось родъ арки—8 футовъ высоты и 6

¹⁾ Названіе это составляетъ лучшими японскими авторитетами безъ объясненія.

²⁾ Бѣлый цвѣтъ въ Китаѣ и Японіи траурный.

ширины, — въ формѣ порталовъ, встрѣчаемыхъ впереди храмовъ, сдѣланной изъ лучшаго бамбука, обернутаго бѣлымъ шелкомъ. Затѣмъ вѣшались на 4-хъ столбахъ бѣлыя занавѣси 4 фута шириной и 4 флага, 6 футовъ длинной, съ написанными на нихъ четырьмя изреченіями изъ священныхъ книгъ. Эти флаги, говорятъ, немедленно послѣ окончанія церемоній уносились. Ночью ставились двѣ свѣчи — по одной съ каждой стороны двухъ цыновокъ. Свѣчи помѣщались въ блюдечки на подставкахъ изъ бамбука, 4 фута высоты, обитыхъ бѣлымъ шелкомъ. Лицо, которое должно было совершить надъ собою хара-кири, входило внутрь ограды черезъ сѣверныя ворота и занимало мѣсто на цыновкѣ, на которой постланъ бѣлый шелкъ, лицомъ къ сѣверу. Нѣкоторые утверждали, что онъ долженъ сидѣть лицомъ къ западу; въ такомъ случаѣ все мѣсто должно было приготовляться соотвѣтствующимъ образомъ. Секунданты входили внутрь черезъ южныя ворота въ одно время съ совершающимъ хара-кири, который, какъ мы видѣли, проходить чрезъ сѣверныя, и занимали мѣста на цыновкѣ, положенной поперекъ.

Въ наше время, когда хара-кири совершается внутри, во дворцѣ, для этой цѣли приготовляется временное мѣсто либо въ саду, либо въ какомъ нибудь незанятомъ помѣщеніи. Но если преступникъ долженъ умереть въ тотъ же день, какъ отдается на попеченіе лица, надзирающаго за нимъ, или на слѣдующій день, то церемонія, долженствующая имѣть мѣсто въ столь скоромъ времени совершается въ приемной залѣ. Даже при большомъ промежуткѣ времени между отдачей виновнаго подъ надзоръ и совершеніемъ хара-кири лучше, если церемонія имѣетъ мѣсто въ приличной комнатѣ въ домѣ, чѣмъ въ мѣстѣ, приготовленномъ специально для этой цѣли. Если кто либо, изъ боязни загрязнить свой домъ кровью, нарочно устраиваетъ особое мѣсто для совершенія хара-кири, то такой человекъ будетъ заслуженно порицаться всѣми, кто только узнаетъ про его брезгливость. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть рѣчь объ оскверненіи дома солдата, которому поручено исполнить послѣднюю обязанность по отношенію къ самураю, умирающему черезъ сеппуку? Убить врага, котораго онъ имѣетъ полное основаніе ненавидѣть, и потомъ убить самого себя есть долгъ благороднаго самурая и потому чистѣйшая безсмыслица смотрѣть на мѣсто, гдѣ совершается хара-кири, какъ на оскверненное. Въ началѣ XVIII ст. 17 самураевъ Асано Такуми но Ками совершили хара-кири въ саду дворца Си-рокане, въ Едо. Когда все было кончено, обитатели дворца пригласили священниковъ изъ секты Сюгендзя придти очистить мѣсто молитвой; но князь, владѣлецъ дворца, услышавъ объ этомъ, приказалъ оставить мѣсто такъ,

какъ оно есть, потому что, разсуждалъ онъ, нужно ли еще очищать мѣсто, гдѣ вѣрные самураи умерли отъ своей собственной руки? Но въ другихъ дворцахъ, куда были переданы остальные вассалы Асано Такуми, говорятъ, что мѣста ихъ добровольной казни были очищены. И все же народъ того времени, по справедливости, прославилъ имя Кумамотоко (князь Хиго), которому принадлежалъ дворецъ въ Сирокане. Неразумно смотрѣть на смерть въ битвѣ, или отъ сеппуку, какъ на вѣчто нечистое; — это надо держать постоянно въ памяти.

Въ позднѣйшее время мѣсто для хара-кири во всѣхъ случаяхъ стало отмѣряться въ 36 футовъ въ квадратѣ. Въ центрѣ долженъ сидѣть осужденный, лицомъ къ свидѣтелямъ; иногда онъ помѣщается бокомъ къ нимъ: это смотря по характеру мѣста. Секунданты иногда обращаются спиной къ свидѣтелямъ. Должно ли считать это нарушеніемъ этикета, трудно сказать. Если свидѣтели не имѣютъ ничего противъ этого, осужденный можетъ помѣщаться прямо противъ нихъ; во всякомъ случаѣ, дѣло свидѣтелей обсудить напередъ эти подробности. Мѣсто, гдѣ сидятъ свидѣтели, должно отстоять отъ мѣста, гдѣ находится осужденный, не болѣе чѣмъ на 12—18 футовъ. Мѣсто, откуда читается приговоръ, должно быть также совѣмъ рядомъ. Хотя церемонія хара-кири можетъ совершаться и иначе, но лучше и удобнѣе всего слѣдовать ниже указанному порядку.

Если хара-кири имѣетъ мѣсто въ комнатѣ, то тамъ, гдѣ сидитъ осужденный, долженъ быть положенъ платъ въ 5 полотницъ изъ бѣлой бумажной матеріи, или же стеганое одѣяло; говорятъ еще, что тутъ же должны быть приготовлены двѣ циновки, — однако, такъ какъ въ каждой японской комнатѣ уже имѣются циновки, то нѣтъ надобности въ другихъ, особенныхъ. Поверхъ всего должны быть разостланы два мохнатыхъ ковра, сшитыхъ вмѣстѣ и положенныхъ одинъ на другой, потому что, если бы употреблялась одна бѣлая бумажная ткань, то кровь просочилась бы чрезъ нее и попала на циновки. Въ 23-ій день 8-ой луны 4-го года періода Ёнкю (1740 г.), при хара-кири одного лица была положена бѣлая бумажная ткань, 8 футовъ въ длину и 8 въ ширину, на нее стеганое одѣяло изъ свѣтло-зеленой бумажной матеріи 6 футовъ въ квадратѣ, на эту бѣлая пеньковая матерія тоже 6 футовъ въ квадратѣ, и уже на послѣднюю два ковра. Въ 3-ій день 9-ой луны 9-го года періода Темпо (1838 г.), при сеппуку одного лица, была разостлана большая двойная бумажная матерія, а на ней два ковра. Первый случай изъ этихъ двухъ выдѣляется своими заботливыми приготовленіями, что весьма похвально и заслуживаетъ подражанія. Если хара-кири совершается ночью, то подсвѣчники изъ бѣлаго

дерева должны быть помѣщены на каждомъ изъ 4-хъ угловъ такъ, чтобы они не мѣшали секундантамъ при ихъ дѣлѣ. Около того мѣста, гдѣ сидятъ свидѣтели, также должны ставиться обыкновенные подеиѣчники, согласно этикету, но не подобаетъ чрезчуръ яркое освѣщеніе. Сбоку должны быть поставлены двѣ ширмы, или экрана, крытыя бѣлой бумагой, въ тѣни которыхъ должны быть спрятаны: кинжалъ на подносѣ, ведро для того, чтобы положить туда отрубленную голову, курительница, ведро съ чистой водой и тазъ. Всѣ эти правила должны быть соблюдаемы и въ томъ случаѣ, если хара-кири совершается въ саду. Въ послѣднемъ случаѣ мѣсто завѣшивается кругомъ бѣлыми занавѣсами, которыя должны быть непременно новыми; какъ и въ комнатѣ, должны быть разостланы двѣ циновки, кусокъ бѣлой матеріи и коверъ. Если хара-кири совершается ночью, то ставятся на бамбуковыхъ шестахъ, по угламъ, 4-ре фонаря изъ бѣлой бумаги. По прочтеніи внутри дома приговора, лица, участвующія въ церемоніи, переходятъ къ мѣсту совершенія хара-кири; впрочемъ, сообразно съ обстоятельствами, приговоръ можетъ быть прочтенъ и на самомъ мѣстѣ. Въ случаѣ Асано Такуми но Ками приговоръ былъ прочтенъ въ домѣ, а хара-кири было совершено въ саду. Въ 3-ій день 4-ой луны 4-го года періода Тенмей (1784 г.) хатамото, по имени Сано, выслушавъ свой приговоръ въ залѣ верховнаго суда, вспоролъ себѣ животъ въ саду, напротивъ тюрьмы. Когда церемонія совершается въ саду, то должны быть разостланы циновки на всемъ пути отъ дома къ мѣсту хара-кири такъ, чтобы не было надобности въ сандаліяхъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые лица при такихъ обстоятельствахъ бывають подвержены приливамъ крови къ головѣ, отъ нервности, — и сандаліи незамѣтно могутъ соскользнуть у нихъ съ ногъ и это будетъ очень некрасиво, — поэтому-то и лучше постилать циновки. При разстилкѣ циновокъ должно позаботиться и о томъ, чтобы каждая двѣ циновки соединялись вмѣстѣ вплотную такъ, чтобы нельзя было споткнуться здѣсь. Бѣлыя ширмы и другія вещи располагаются такъ, какъ описано выше. Если всѣ вышеуказанныя правила церемоніала не могутъ быть соблюдены полностью, то должно сдѣлать все такъ, какъ позволятъ обстоятельства. Сообразно съ родомъ преступленія, въ которомъ виновенъ самурай, передаваемый подъ надзоръ какого-либо даймю, заянѣе бываетъ извѣстно, долженъ-ли онъ совершить хара-кири и потому соотвѣтствующія приготовленія должны быть сдѣланы заблаговременно. Асано Такуми но Ками былъ взятъ во дворецъ Тамура Сама въ часъ обезьяны (между 3 и 5 час. пополудни), снялъ свое придворное одѣяніе, отвѣдалъ чашку супа и еще пять кушаній, и выпилъ двѣ чашки теплой воды; и въ часъ пѣтуха (между 5

и 7 час. вечера) совершилъ хара-кири. Случай этого рода требуетъ большаго вниманія, такъ какъ должны быть принимаемы всѣ мѣры, чтобы приготовленія велись безъ вѣдома лица, долженствующаго совершить хара-кири. Если строится спеціальная для этого случая комната, чтобы избѣжать оскверненія дома, то это должно держаться въ строжайшемъ секретѣ. Былъ такой случай:—Преступникъ былъ принятъ подъ надзоръ однимъ великоможей. Передъ тѣмъ какъ люди послѣдняго приступили къ постройкѣ временнаго зданія спеціально на этотъ случай, они письменно испросили совѣта у нѣкоторыхъ изъ заинтересованныхъ лицъ. Письмо ихъ было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Домъ, въ которомъ мы живемъ, слишкомъ малъ и неудобенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мы приказали стражѣ обходиться съ плѣнникомъ съ возможнымъ уваженіемъ. Но наши слуги, на которыхъ возложено дѣло охраны, испытываютъ большія неудобства за недостаткомъ мѣста; кромѣ того, въ случаѣ пожара или какого нибудь чрезвычайнаго казуса, все помещеніе такъ мало и тѣсно, что было бы очень трудно выбраться оттуда. Поэтому мы намѣрены прибавить къ нашему настоящему зданію еще одну пристройку такъ, чтобы охрана была бы въ состояніи во всякое время входить туда и выходить совершенно свободно и чтобы, въ случаѣ пожара или какого нибудь иного происшествія, мы могли легко оставить домъ, если бы обстоятельства принудили насъ къ этому. Мы просимъ вашего совѣта относительно настоящаго проекта».

Такая остроумная предусмотрительность заслуживаетъ всякихъ похвалъ.

Когда самурай долженъ совершить хара-кири по приказанію своего феодальнаго князя, то церемонія должна имѣть мѣсто въ одномъ изъ меньшихъ дворцовъ клана. Однажды принцъ клана Инуе, разсердившись и за дѣло на своего управляющаго по имени Иеибава Тадзаемонъ и, желая наказать его, приказалъ ему умертвить себя въ своемъ главномъ дворцѣ, на Кандабаси, въ Едо. Когда объ этомъ донесли сѣюгуну, то отдавшій такое приказаніе князь, будучи уличенъ въ неуваженіи привилегій города, получилъ приказъ ѣхать въ меньшій и второстепенный свой дворецъ въ Асакуса. Хотя хара-кири не можетъ быть названо казнью въ собственномъ смыслѣ этого слова, но все же, такъ какъ оно отличается отъ обыкновенной казни лишь тѣмъ, что чрезъ него не пятнается честь самураевъ, то весь вопросъ въ данномъ случаѣ сводится лишь къ степени наказанія, т. е. оно лишь дѣло церемо-

ніала. Если главный дворец¹⁾ отстоит далеко отъ дворца сіюгуна, тогда хара-кири можетъ совершиться въ немъ; но ничего нельзя сказать и противъ того, чтобы оно имѣло мѣсто въ меньшемъ дворцѣ. Нынѣ, когда человекъ присуждается къ хара-кири княземъ даймю, то церемонія обычно совершается въ одномъ изъ неглавныхъ дворцовъ, — въ большинствѣ случаевъ выборъ падаетъ на открытое пространство вблизи плаца, или манежа для упражненія лошадей, и приготовленія, описанныя выше, часто сокращаются сообразно съ обстоятельствами.

Когда самурай во время путешествія получаетъ внезапно приказаніе совершить хара-кири, то должны быть наняты храмъ, или часовня для этой цѣли. Въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ могутъ употребляться грубыя цыновки, обшитыя болѣе тонкими цыновками или же даже обыкновенными. Если преступникъ человекъ настолько высокаго ранга, что имѣетъ при себѣ оруженосца, то долженъ быть разостланъ на мѣстѣ совершенія хара-кири кожаный коверъ, если послѣдній не трудно достать. Кожаные ремни (которые на головѣ) должны быть, согласно со стариннымъ обычаемъ, передвинуты на лобъ такъ, чтобы они могли указывать назадъ при отрубленіи головы. Въ древнее время, когда церемонія совершалась въ саду, разстилался кожаный коверъ. Наемъ храма для совершенія въ немъ хара-кири представляетъ въ исторіи частое явленіе: сомнительно, чтобы это могло быть сдѣлано въ настоящее время. Этого рода пункты, относительно которыхъ не имѣется установленныхъ правилъ, должны быть заранее предложены на обсужденіе компетентнымъ лицамъ, такъ чтобы вся предстоящая участникамъ хара-кири процедура акта самоубійства могла быть совершенно ясной.

Въ періодъ Камбунъ (1661—1673 г.г.) князь Сакаи, во время путешествія по странѣ Бисю, нанялъ храмъ для совершенія въ немъ хара-кири одному изъ своихъ приближенныхъ. И тотъ, согласно приказанію, лишилъ себя жизни въ храмѣ.

О ЦЕРЕМОНИЯХЪ, СОБЛЮДАЕМЫХЪ ПРИ ХАРА-КИРИ САМУРАЯ, КОТОРЫЙ ОТДАЕТСЯ НА ПОРУКИ ДАЙМЮ.

Когда кто-либо получаетъ приказаніе отъ правительства совершить хара-кири, то общественные цензоры, назначенные присутствовать въ качествѣ свидѣтелей при предстоящемъ хара-кири, посылаютъ князю, въ вѣдѣ-

¹⁾ Главные ясики (ворцы) князей находились въ большинствѣ случаевъ рядомъ съ замкомъ сіюгуна, въ предѣлахъ офиціального квартала. По близости этихъ дворцовъ и за-прещалось совершеніе хара-кири.

нѣи котораго находится преступникъ, извѣщеніе о томъ, что они прибѣдутъ въ его дворецъ по казенной надобности. Документъ этотъ, адресованный прямо на имя князя, посылается съ цензоромъ—помощникомъ, и въ свое время получается соответствующій отвѣтъ. Передъ церемоніей свидѣтели посылаютъ ассистента—цензора осмотрѣть мѣсто, въ которомъ имѣеть быть совершенно хара-кири, ознакомиться съ планомъ дома, и составить списокъ лицъ, которые будутъ присутствовать при церемоніи. Посланный также имѣеть свиданіе съ канеяку, или секундантами и экзаменуетъ ихъ въ знаніи подробностей обряда совершенія хара-кири. Когда все приготовленія закончены, то онъ отправляется за цензорами, послѣ чего все они, одѣтые въ требуемое церемоніаломъ платье изъ пеньковой матеріи, идутъ къ указанному мѣсту казни. Приближенные князя собираются на переднемъ дворѣ для привѣтствія ихъ и расprostираются на землѣ передъ ними, а самъ князь, которому ввѣренъ преступникъ, выходитъ на крыльцо встрѣтить и проводить ихъ въ пріемную залу. Главный цензоръ объявляетъ тогда князю, что онъ пришелъ прочитатъ приговоръ, по которому осужденный долженъ совершить хара-кири, и что второй цензоръ пришелъ засвидѣтельствовать исполненіе приговора. Послѣ этого князь освѣдомляется, ждутъ ли отъ него, чтобы онъ лично присутствовалъ при казни, а также долженъ-ли онъ исполнить просьбу родственниковъ, или семьи осужденнаго, если послѣдніе обратятся къ нему за этимъ, и отдать имъ останки казненнаго для погребенія; послѣ этого онъ объявляетъ, что онъ прикажетъ приготовить все нужное и оставляетъ комнату. Чай, огонь для закуриванія и сладости предлагаются цензорамъ, но тѣ отказываются отъ всякаго угощенія прежде выполнения своихъ обязанностей; меньшіе чиновники слѣдуютъ тому же примѣру. Если цензоры выразятъ желаніе видѣть напередъ мѣсто совершенія хара-кири, то приближенные князя ведутъ ихъ туда и самъ князь сопровождаетъ ихъ; впрочемъ, въ этомъ случаѣ его можетъ замѣнить одинъ изъ его каро-совѣтниковъ перваго класса. Послѣ осмотра, они возвращаются въ пріемную и занимаютъ свои прежнія мѣста. Когда все приготовленія будутъ окончены, то хозяинъ дома ведетъ цензоровъ къ мѣсту, гдѣ долженъ быть прочитанъ приговоръ, при чемъ этикетъ требуетъ, чтобы она шла съ двумя мечами¹⁾. Князь занимаетъ свое мѣсто съ одной стороны, при входѣ, а младшіе цензоры садятся съ той или другой стороны на болѣе низкомъ мѣстѣ. Совѣтники и другіе служащіе князя занимаютъ опредѣленные для нихъ мѣста. Одинъ изъ присутствующихъ совѣтниковъ, обращаясь къ цен-

¹⁾ Японцы, входя въ домъ, оставляя одинъ изъ своихъ мечей (болѣшой) въ передней.

зорамъ, но не вставая съ мѣста, испрашиваетъ позволенія привести осужденнаго.

Передъ этимъ приближенные князя идутъ въ комнату, гдѣ заключенъ осужденный, извѣщаютъ его о томъ, что онъ долженъ переодеться, такъ какъ цензоры прибыли. Прислуга приноситъ смѣну платья на большомъ подносѣ. Только, когда осужденный закончить свой туалетъ, свидѣтели идутъ и занимаютъ мѣста въ указанномъ порядкѣ, а осужденный вводится къ нимъ. Впереди него идетъ одинъ служащій князя ранга моногасира (приближенный князя 4-й степени): онъ несетъ маленькій мечъ. Шесть чело-вѣкъ идутъ за нимъ по обѣимъ сторонамъ осужденнаго, въ качествѣ прислуживающихъ, — они должны быть 5-го и 6-го ранга. За всѣми ими слѣдуетъ юнинъ-совѣтникъ 2 го класса. Когда вся процессія достигаетъ мѣста, гдѣ собрались свидѣтели, то ведущій отходитъ въ сторону и садится, а шесть прислуживающихъ садятся по обѣ стороны осужденнаго. Совѣтникъ, который слѣдовалъ за послѣднимъ, садится позади него. Тогда главный цензоръ читаетъ приговоръ.

Когда чтеніе закончено, то осужденный выходитъ изъ комнаты и снова мѣняетъ одежду, а главный цензоръ немедленно оставляетъ дворецъ; — но уже князь не провожаетъ его до выхода. Второй цензоръ идетъ въ приемную и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока осужденный не переодѣнетъ одежды. Когда осужденный занялъ опредѣленное для совершенія хара-кири мѣсто, совѣтники объявляютъ второму цензору, что все готово. Тогда послѣдній идетъ къ этому мѣсту, имѣя при себѣ оба меча, короткій и длинный. Князь, также имѣя два меча, занимаетъ свое мѣсто по одну сторону, нисшіе цензоры и совѣтники, имѣя по одному мечу, садятся напротивъ цензора. Ассистентъ — секунданта приносятъ на подносѣ кинжалъ и, положивши его передъ осужденнымъ, удаляется. Когда осужденный, взрѣзавъ себѣ животъ, наклонить голову впередъ, то главный секунданта отрубаетъ голову и немедленно показываетъ ее цензору, который, засвидѣтельствовавъ ее, заявляетъ хозяину дома, что онъ удовлетворенъ и благодаритъ его за всѣ хлопоты въ связи съ этимъ дѣломъ. Тѣло такъ, какъ оно лежитъ, закрывается бѣлыми ширмами, которыя ставятся вокругъ него; вмѣстѣ съ тѣмъ приносятся куренія. Свидѣтели уходятъ. Князь провожаетъ ихъ до крыльца, а приближенные князя, собравшись на дворѣ, расprostируются, какъ и раньше, на землѣ. На мѣстѣ казни должны присутствовать слѣдующія лица: одинъ или два главныхъ совѣтника князя (каро), два или три второстепенныхъ совѣтника (юнинъ), два или три моногасира (приближенный 4-й степени), одинъ завѣдующій дворцомъ, гдѣ совершается хара-

кири (русси), шесть прислужниковъ, одинъ главный секундантъ, одинъ ассистентъ — секундантъ, одинъ человекъ, для того чтобы нести куренія, который не долженъ непременно имѣть какой-либо рангъ, — всякій самурай можетъ быть имъ. Обязанности погребенія тѣла и приведенія снова въ порядокъ мѣста, гдѣ было совершено хара-кири, возлагается на четырехъ человекъ. Они выбираются изъ числа самураевъ среднего, или низшаго класса; во время исполненія своихъ обязанностей, они засучиваютъ свои панталоны и не имѣютъ мечей. Ихъ имена посылаются предварительно къ цензору — помощнику, который выполняетъ роль свидѣтеля; они сообщаются также и младшимъ цензорамъ, если только тѣ того пожелаютъ. До прибытія главного цензора готовятся все потребныя снаряды для тушенія пожара, приглашаются пожарные, а полицейскіе чиновники постоянно ходятъ дозоромъ, изъ предосторожности, кругомъ дома. Съ той минуты, какъ приходитъ въ домъ главный цензоръ и пока онъ не покинетъ его, никто не имѣетъ права войти туда. При входѣ въ домъ стоятъ на сторожѣ слуги, одѣтые въ свою пенковую одежду для церемоній. Все въ домѣ должно совершаться съ должной благопристойностью и ко всякой мелочи должно относиться съ самымъ усерднымъ вниманьемъ.

Всякій разъ какъ кому-либо случится кончать жизнь путемъ хара-кири, было бы хорошо, если бы люди отпраплялись во дворецъ князя Хиго и узнавали все подробности относительно казни ронинновъ Асано Такуми но Ками. Я считаю необходимымъ указать вамъ, какъ все это произошло. Дѣло было такъ: вокругъ сада, передъ пріемной комнатою, была повѣшена занавѣска и тутъ были постланы три циновки; сверху онѣ были покрыты бѣлымъ полотномъ. Осужденные находились въ пріемной и вызывались по одиночкѣ. Два человека, по одному съ каждой стороны, сопровождали осужденнаго, секундантъ шелъ позади, и такимъ образомъ они подходили къ назначенному мѣсту въѣзду. Когда казнь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оканчивалась, то тѣло заставлялось бѣлой ширмой, такъ чтобы главный свидѣтель не могъ его видѣть; потомъ оно закрывалось въ бѣлую простыню, клалось на циновку и уносилось въ заднюю часть сада двумя прислуживающими, затѣмъ уже помещалось въ гробъ. Земля, закапанная кровью, посыпалась пескомъ и выметалась начисто; клались новыя циновки и все мѣсто приготавливалось заново, — послѣ чего вызывался слѣдующій человекъ.

О ТОМЪ, ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕРЖАТЬ ВЪ УМѢ СВИДѢТЕЛИ.

Когда вассалъ получаетъ приказаніе отъ сюзерена совершить хара-кири, то приговоръ его долженъ быть прочтенъ цензоромъ клана, который

дѣйствуетъ также и въ качествѣ свидѣтеля. Онъ долженъ занимать мѣсто прямо противъ преступника, на разстояніи 12 футовъ отъ него; по нѣкоторымъ книгамъ разстояніе должно быть 18 футовъ, а самъ онъ долженъ сидѣть наискось, не повертываясь прямо лицомъ къ преступнику. Онъ долженъ положить свой мечъ около себя; впрочемъ, если онъ того пожелаетъ, то можетъ оставить свой мечъ у себя за поясомъ. Приговоръ должно читать отчетливо. Если приговоръ представляетъ собою длинный документъ, то не слѣдуетъ начинать чтеніе очень громкимъ голосомъ и потомъ понижать его до шепота, такъ какъ это имѣетъ видъ, будто бы человѣкъ сгрусилъ, — но читать все время тихо еще того хуже; весь приговоръ долженъ быть переданъ яснымъ, ровнымъ и одинаково отчетливымъ голосомъ отъ начала до конца. Обязанность главнаго свидѣтеля подать примѣръ твердости другимъ лицамъ, участвующимъ при совершеніи хара-кири. Послѣ того какъ секундантъ закончитъ свое дѣло — онъ несетъ отрубленную голову къ главному свидѣтелю, который, осмотрѣвши ее, долженъ объявить, что удосто-вѣрилъ ея тождественность, взять свой мечъ и уйти. Впрочемъ, бываетъ достаточно отрубить только голову и не носить ее показывать главному свидѣтелю, — въ такомъ случаѣ секундантъ напередъ получаетъ соотвѣтствующія инструкціи на этотъ счетъ. При вставаніи съ мѣста главный свидѣтель долженъ сдѣлать первый шагъ лѣвой ногой и повернуться налѣво. Если путь къ мѣсту казни ведетъ черезъ двери, то главный свидѣтель, имѣющій при себѣ два меча, долженъ сидѣть на креслѣ; онъ долженъ быть одѣтъ въ пеньковую одежду для церемоній; свои панталоны онъ долженъ немного засучить, на немъ долженъ быть полный парадный костюмъ, соотвѣтствующій его рангу. На обязанности его лежитъ — опредѣлить каждому изъ участниковъ, что онъ долженъ дѣлать, и также принять мѣры на случай несчастій.

Если въ то самое время какъ участники въ предстоящей церемоніи хара-кири, собравшись вмѣстѣ, начнутъ освѣжать въ своей памяти потребныя на этотъ случай воинскія познанія, приготовляясь такимъ образомъ къ выполненію предстоящихъ имъ обязанностей; если въ это самое время кто-нибудь изъ постороннихъ войдетъ въ ту-же комнату, то они обязаны немедленно перевести разговоръ на другую тему. Самураи должны быть хорошо ознакомлены со всеми мельчайшими деталями хара-кири, — п этому дать кому-нибудь замѣтить, что они обсуждаютъ, что должно быть сдѣлано въ случаѣ, если произойдетъ какое-нибудь уклоненіе отъ нормальнаго теченія церемоніи хара-кири и т. д., значило бы обнаружить свое очевидное невѣжество. Однако, если случится зайти къ нимъ какому интимному другу, то онъ можетъ быть приглашенъ къ участию въ совѣщаніи по это-

му вопросу, тѣмъ болѣе что не всегда бываетъ совершенно ловко и удобно скрыть отъ постороннихъ лицъ предметъ разговора, шедшаго до ихъ прихода.

Возможно, и весьма вѣроятно, что послѣ прочтенія приговора, осужденный пожелаетъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ главному свидѣтелю. Будетъ ли онъ выслушанъ или нѣтъ, зависитъ отъ формы содержанія того, что онъ имѣетъ сказать. Если онъ говорить сбивчиво и путаясь на каждомъ шагу, то его не удостоиваютъ вниманіемъ; въ такомъ случаѣ секундантъ уводитъ его прочь, по знаку главнаго свидѣтеля, или самъ отъ себя, прямо въ комнату, для перемѣны одежды.

Если осужденный поручается правительствомъ надзору какого-либо князя, то послѣдній, послѣ прочтенія приговора, долженъ извѣстить осужденнаго черезъ своихъ приближенныхъ, что приказанія правительства требуютъ неукоснительнаго исполненія, но, что если онъ пожелаетъ высказать свои послѣднія желанія, то можетъ сдѣлать это передъ посланными приближенными, которымъ князь поручилъ выслушать ихъ; если же осужденный человѣкъ высокаго ранга, то князь лично долженъ идти и выслушать его послѣднюю волю.

Осужденный долженъ отвѣтить на это въ такомъ родѣ:

«Милостивый государь! благодарю васъ за ваше заботливое вниманіе, но я ничего не имѣю сказать. Я глубоко признателенъ вамъ за доброе отношеніе, которое встрѣчалъ къ себѣ съ того самого времени, какъ былъ переданъ на ваше попеченіе. Прошу васъ засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе князю и его приближеннымъ, которые были такъ внимательны ко мнѣ». Или онъ можетъ сказать еще такъ: «Господа, я ничего не имѣю сказать, но такъ какъ вы были такъ добры подумать обо мнѣ, то я былъ бы премного обязанъ вамъ, если бы вы передали то-то и то-то, такимъ-то и такимъ-то лицамъ». Если осужденный поручилъ приближеннымъ что-либо передать, то тѣ должны выслушать его слова съ полнымъ вниманіемъ, чтобы совершенно успокоить умъ и сознаніе осужденнаго насчетъ того, что его слова будутъ переданы въ точности, кому слѣдуетъ. Если онъ попроситъ приборъ для письма съ цѣлью изложить на бумагѣ свою послѣднюю волю, то приближенные князя должны сказать ему, что это запрещено закономъ и не соглашаться на его просьбу. Въ душѣ же они должны чувствовать, что тяжело отказать въ просьбѣ умирающему, — поэтому они должны стараться сдѣлать все, чтобы облегчить ему его послѣднія минуты: ихъ обязанность отнестись къ осужденному съ наибольшей внимательностью и добротою. Такъ, это было во времена Генроку, при хара-кири роциновъ Асано Такуми но Ками. Князь Хиго, послѣ про-

чтенія приговора, проникнувшись уваженіемъ къ мужеству осужденныхъ, приказалъ даже, вопреки закону, отнести имъ бумагу и приборъ для письма. Но если осужденный не можетъ сосредоточиться ни на чемъ серьезномъ отъ возбужденія, то бесполезно давать ему письменный приборъ. Все это должно зависѣть отъ обстоятельствъ. Когда человѣкъ убилъ другого, заранѣе приготовясь понести всѣ послѣдствія за свой поступокъ, то казнь такого человѣка должна быть произведена со всей честью. Когда человѣкъ убиваетъ другого на мѣстѣ въ припадкѣ необузданной страсти, и потомъ бываетъ самъ ошеломленъ и пораженъ своимъ поступкомъ, то нѣтъ нужды прилагать такое стараніе къ веденію всей церемоніи со щепетильною точностью. Если осужденный—человѣкъ осмотрительный и разумный, то онъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, послѣ того какъ будетъ отданъ подѣ стражу, для выраженія своихъ желаній и не станетъ откладывать этого до послѣдняго момента; простираетъ же свою любезность до того, что предоставлять въ его распоряженіе уже послѣ начала церемоніи письменныя принадлежности и т. п. не обязательно. Если еще встрѣтится какое либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи, то можно обратиться за разрѣшеніемъ его къ главному свидѣтелю.

Послѣ того какъ ронинамъ Асано Такуми но Ками былъ прочитанъ ихъ приговоръ во дворцѣ Мацудаира Оки но Ками, то этотъ дайміо, выйдя самъ попрощаться съ ними, вызвалъ Оиси Цикара, сына ихъ начальника, и сказалъ ему: «я слышалъ, что ваша мать находится въ настоящее время на своей родинѣ. Я могу легко представить себѣ, какъ она будетъ опечалена, услышавъ о смерти вашей и вашего отца. Если вы пожелаете передать ей что-либо, то скажите это мнѣ безъ всякаго стѣсненія, и я немедленно передамъ ей вашъ прощальный привѣтъ». Нѣсколько минутъ Цикара оставался безмолвнымъ, со взоромъ, потупленнымъ въ землю; наконецъ онъ отступилъ немного назадъ, поднялъ голову и сказалъ: «Я смиренно благодарю вашу свѣтлость за то, что вы изволили сказать мнѣ. Мой отецъ съ самаго начала предупредилъ меня, что наше преступленіе слишкомъ велико, такъ что даже если бы мы получили милостивое прощеніе по обвиненію въ одномъ пунктѣ, то все же мы не должны забывать, что противъ насъ имѣется 100,000,000 другихъ пунктовъ, за которые мы должны непременно совершить хара-кири, и что если бы я не обратилъ вниманія на его слова и попытался бы избѣжать наказанія, то его ненависть преслѣдовала бы меня послѣ его смерти. Мой отецъ запечатлѣлъ эти слова въ моей памяти въ храмѣ Сенгакудзи и снова повторилъ ихъ, когда я разставался съ нимъ, передъ тѣмъ чтобы быть отведеннымъ во дворецъ князя Сенга-

гу. Теперь мой отецъ и я осуждены на хара-кири, согласно завѣтному желанію нашихъ сердецъ.— Конечно, я не могу забыть свою дорогую мать, но когда я прощался съ ней въ Кіото, она сказала мнѣ, что мы разлучаемся навѣки и просила меня не показывать себя трусомъ, когда я буду думать о ней. Я уже тогда простился съ ней навсегда и потому въ настоящее время не имѣю ничего передать ей». Когда онъ сказалъ такъ, то Оки но Ками и всѣ его приближенные, собравшіеся вокругъ него, были тронуты до слезъ удивленіемъ предъ его героизмомъ. Разсказъ этотъ должно вспоминать почаще.

Хотя представляется лишь справедливымъ, чтобы передъ совершеніемъ хара-кири осужденный принялъ ванну и вкусилъ вина и пищи, но всѣ эти детали должны быть, по возможности, сокращены, или даже вовсе выпущены. Чѣмъ скорѣе дадутъ умереть осужденному, тѣмъ лучше. Если онъ пожелаетъ выпить воды, то въ этомъ не слѣдуетъ отказывать ему. Вообще если онъ держитъ себя въ своихъ словахъ и поступкахъ какъ благородный самурай, то должно приложить всѣ старанія, чтобы совершить его казнь возможно лучшимъ образомъ. Однако, хотя-бы это былъ самый смѣлый человѣкъ, то и тогда, при близости смерти, обычное хладнокровіе можетъ оставить его, и медлить его казнью значило-бы, по всей вѣроятности, заставить мужество осужденнаго измѣнить ему,—поэтому, какъ только будетъ прочитанъ приговоръ, казнь должна быть немедленно приведена въ исполненіе; этого опять таки не долженъ никогда забывать главный свидѣтель.

ОТНОСИТЕЛЬНО СЕКУНДАНТОВЪ (КАИСЯКУ).

Когда преступникъ, который долженъ будетъ совершить хара-кири, ввѣряется надзору какого нибудь князя, то этотъ послѣдній приставляетъ къ нему шесть прислужниковъ; если же хара-кири совершается въ предѣлахъ клана, къ которому принадлежитъ осужденный, то достаточно двухъ или трехъ человѣкъ; впрочемъ, число ихъ зависитъ отъ ранга осужденнаго. Для исполненія обязанностей этихъ прислужниковъ выбираются люди съ крѣпкими нервами и сильнымъ духомъ. Они должны быть одѣты въ пеньковое платье и должны засучивать свои шаровары; ни въ какомъ случаѣ они не должны имѣть при себѣ мечей, а вмѣсто нихъ прячутъ за пазухой маленькій кинжалъ. Прислужники—это лица, которыя помогаютъ осужденному переодѣться и сидятъ по правую и лѣвую руку его, во время чтенія приговора, для его охраны. Въ случаѣ какого-либо замѣшательства, такъ напр. если осужденный попытается убѣжать, они валятъ его на землю; напротивъ, если онъ не въ состояніи ходить и стоять одинъ, они-же поддерживаютъ его. Если прислужниковъ, сопровождающихъ осужденнаго къ мѣсту

казни, шесть, то четверо изъ нихъ садятся на нѣкоторомъ разстояніи отъ него и составляютъ стражу, тогда какъ двое другихъ сидятъ сейчасъ же за осужденнымъ. Они должны помнить, что случись какое-нибудь недоразумѣніе, напр. въ формѣ попытки со стороны осужденнаго къ побѣгу, они должны, сваливши его наземь, отрубить ему голову кинжалами, или заколоть его на смерть. Если секундантъ не сумѣетъ однимъ ударомъ отрубить голову и осужденный попытается встать, то обязанность прислужниковъ убить его. Они же должны помочь осужденному сбросить верхнюю одежду и обнажить тѣло. Въ позднѣйшее время бывали случаи, когда верхняя одежда не снималась, а просто распахивалась,—это зависѣло отъ обстоятельствъ. Постановка бѣлой ширмы и положеніе тѣла въ гробъ суть обязанности, которыя, нынѣ хотя и могутъ быть исполняемы другими лицами, первоначально падали на этихъ шестерыхъ прислужниковъ. Когда казнить обыкновеннаго человека, то обязываютъ его веревками и такимъ образомъ принуждаютъ занять свое мѣсто; но самурай, одѣтый въ свои церемоніальныя одежды, принимаетъ кинжалъ, предлагаемый ему на поднось и умираетъ такимъ образомъ отъ своей руки. Поэтому нечего опасаться, что подобный человекъ сдѣлаетъ попытку къ бѣгству; все же, такъ какъ никто не можетъ поручиться за это и неизвѣстно, что случится дѣлать прислуживающимъ, то для выполненія обязанностей этихъ лицъ слѣдуетъ выбирать людей, въ совершенствѣ знающихъ свое дѣло.

Секундантовъ трое,—главный, ассистентъ и еще одинъ низшій. Когда церемонія хара-кири совершается съ надлежащей торжественностью, то присутствуютъ всѣ трое,—въ обыкновенныхъ-же случаяхъ достаточно двоихъ. Если ихъ трое, то обязанности каждаго въ отдѣльности таковы: главный отрубаетъ голову,—это его обязанность и потому онъ является самымъ важнымъ лицомъ при казни путемъ хара-кири; ассистентъ приноситъ поднось, на которомъ лежитъ кинжалъ для вспарыванья живота. Онъ долженъ выполнять свои обязанности такимъ образомъ, чтобы не мѣшать ни въ чемъ главному секунданту; во всякомъ случаѣ его роль при казни второстепенная. Третій или низшій относитъ отрубленную голову показать главному свидѣтелю для отождествленія; въ случаѣ, если что-нибудь внезапно помѣшаетъ исполненію обязанностей главному секунданту и его ассистенту, то онъ долженъ быть всегда готовымъ дѣйствовать въ качествѣ ихъ замѣстителя, — этого онъ не долженъ никогда забывать; вообще же обязанности его важны и для исполненія ихъ выбирается подходящее лицо.

Хотя ни въ какомъ другомъ случаѣ, какъ при хара-кири, не можетъ быть ничего подобнаго каисяку, все же въ древнѣйшія времена именемъ

каисяку назывались также охранители и вообще лица, которые помогали другимъ;—это можетъ служить объясненіемъ тому, что кайсяку, или секундантъ, приходитъ на помощь осужденному. Если-бы совершающій хара-кири совершилъ погрѣшность въ самый роковой моментъ, то это легло бы позоромъ на его трупъ; вотъ, съ цѣлью предотвратить возможность подобныхъ ошибокъ пользуются услугами кайсяку, или секунданта,—это самая важная изъ обязанностей кайсяку; онъ долженъ всегда памятовать объ этомъ.

Что сказать о человѣкѣ, если онъ принимаетъ приглашеніе быть секундантомъ съ улыбкой? Однако онъ не долженъ изображать на лицѣ печали: это послѣднее было бы равносильно тому, что онъ хотѣлъ бы просить извинить и уволить его отъ выполненія этихъ обязанностей. Нѣтъ никакого героизма въ умѣнны ловко отрубить голову, но въ тоже время чистый позоръ для человѣка сдѣлать это неуклюжимъ и неподобающимъ образомъ; тѣмъ не менѣе никто не имѣетъ права ссылаться на свой недостатокъ опытности и ставить это отговоркой для того, чтобы уклониться отъ возлагаемой обязанности, потому что недостаточное искусство въ умѣнны владѣть мечемъ, нужномъ при отсѣченіи головы,—безчестье для самурая. Нѣкоторые настаиваютъ на томъ, что въ секунданты слѣдуетъ выбирать молодыхъ людей; на это имъ можно возразить скорѣе, что молодые руки не достаточно искусны. Какъ бы то ни было, сыграть труса и уступить другому обязанность быть секундантомъ,—это вещь немыслимая и недостойная самурая. Когда человѣкъ приглашается быть секундантомъ, то онъ долженъ выразить готовность быть полезнымъ и примѣнить на дѣлѣ умѣнны обращаться съ мечемъ (голову можно отрубить кинжаломъ, но мечъ является надлежащимъ оружіемъ въ данномъ случаѣ). Что касается меча, то секундантъ долженъ взять мечъ того, кто совершаетъ хара-кири; если это по чему либо невозможно, то у своего князя;—секундантъ не долженъ употреблять своего собственного меча. Когда всѣ секунданты назначены, то они должны собраться вмѣстѣ и въ подробностяхъ обсудить свои обязанности, предварительно получивъ инструкціи отъ своихъ начальниковъ. Если, по тщательномъ изученіи дѣла, окажутся какія либо недоразумѣнія, то, за разрѣшеніемъ ихъ, должно обратиться къ своимъ начальникамъ. Когда преступникъ приговоренъ къ хара-кири правительствомъ, то секунданты одѣваютъ свои церемоніальныя одежды; если же онъ является однимъ изъ ихъ собственного клана, то надѣваются только шаровары самурая. Говорятъ, что въ древности секунданты одѣвались точно также, какъ и совершающій хара-кири, а нѣкоторые авторитеты утверждаютъ, что, при хара-кири человѣка высокаго ранга, секунданты должны быть одѣты въ бѣлое платье и рукоятка меча тоже должна быть обернута въ бѣлый шелкъ. Если хара-

кири совершается въ домѣ, то секунданты должны засучить немного свои шаровары, а если въ саду, то поднять ихъ, насколько возможно выше.

Секундантъ долженъ обратиться къ совершающему хара-кири въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «сударь, я назначенъ къ вамъ въ качествѣ секунданта, прошу васъ быть вполне покойнымъ на этотъ счетъ и т. п.», — но форма этого обращенія необходимо зависитъ отъ положенія и ранга осужденнаго. И если осужденный пожелаетъ высказать свои послѣднія желанія, то секундантъ долженъ выслушать его и вообще отнестись къ нему съ возможнымъ вниманіемъ съ цѣлю облегчить послѣднія тяжелыя минуты осужденнаго. Если секундантъ былъ избранъ самимъ осужденнымъ по причинѣ старой дружбы между ними, или если осужденный, во время своего пребыванія подъ охраной во дворцѣ, просилъ кого-нибудь изъ приближенныхъ князя принять на себя обязанности секунданта, въ случаѣ осужденія его на смерть чрезъ хара-кири, то лицо, избранное такимъ образомъ, должно благодарить осужденнаго за оказанную ему высокую честь и просить своего князя разрѣшить принять на себя эти обязанности. Въ этомъ смыслѣ онъ долженъ отвѣтить осужденному и вообще утѣшить и успокоить его и, доложивъ о полученной имъ просьбѣ князю, съ разрѣшенія того, взять на себя роль секунданта. Онъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы занять мечъ у осужденнаго, высказавъ свою просьбу приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я имѣю честь быть вашимъ секундантомъ и просилъ бы васъ дать мнѣ для этого случая вашъ мечъ. Для васъ можетъ служить утѣшеніемъ мысль, что вы умрете отъ своего собственнаго меча, который такъ близокъ вамъ». Если, однако, осужденный отклоняетъ просьбу и предпочтетъ получить свой послѣдній ударъ отъ меча секунданта, то его желаніе должно быть исполнено. Если секундантъ нанесетъ неудачный ударъ своимъ собственнымъ мечемъ, то это падаетъ безчестьемъ на него; поэтому-то онъ долженъ брать чей-либо чужой мечъ для того, чтобы, въ случаѣ неудачнаго удара, порицаніе могло быть обращено мечу, а не тому, кто пользуется этимъ мечемъ. Хотя вышеизложенное и является общимъ правиломъ и хотя каждый долженъ умирать отъ своего меча, все же, если осужденный попроситъ быть обезглавленнымъ собственнымъ мечемъ секунданта, его просьба должна быть уважена.

Весьма возможно, что осужденный пожелаетъ узнать отъ своего секунданта о приготовленіяхъ къ предстоящему акту, какія сдѣланы. Поэтому секундантъ долженъ быть готовымъ отвѣтить на такіе вопросы. Давно тому назадъ одинъ осужденный спросилъ секунданта, не будетъ-ли его голова отрублена въ тотъ самый моментъ, когда онъ приметъ блюдо съ положен-

нымъ на него кинжаломъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, ваша голова будетъ отрублена въ тотъ моментъ, когда вы взрѣжете себѣ животъ». При харакири одного изъ Сано осужденный сказалъ секунданту, что, когда онъ взрѣжетъ себѣ животъ, то не вытерпитъ и, пожалуй, крикнетъ, поэтому просилъ секунданта не терять своего хладнокровія, когда онъ будетъ отрубать ему голову. Секундантъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ такъ, какъ желаетъ тотъ, но просилъ его все же принять передъ тѣмъ поднось съ кинжаломъ, согласно надлежащей формѣ. Какъ только Сано протянулъ руку къ подносу, секундантъ немедленно отрубилъ ему голову. Хотя это не было совершенно правильно, но такъ какъ секундантъ поступилъ такимъ образомъ, для того чтобы спасти самурая отъ позора совершенія харакири неподобающимъ образомъ, позволивъ себѣ кривнуть отъ боли, то его никакъ нельзя обвинить въ нарушеніи этикета при наличности подобныхъ побужденій. Если осужденный настоятельно требуетъ, чтобы ему было позволено дѣйствительно испороть себѣ животъ, его желаніе можетъ быть удовлетворено или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ. Обычай отрубанія головы, послѣ того какъ осужденный прошелъ лишь черезъ видимость процедуры вспарыванья живота восходитъ къ періоду Емпо (около 190 лѣтъ тому назадъ).

Когда осужденный займетъ свое мѣсто, то секундантъ спускаетъ съ праваго плеча свои церемоніальныя одежды и, обнаживъ мечъ, кладетъ сбоку ножны, дѣлая это такъ, чтобы не видѣлъ осужденный, послѣ чего онъ становится съ лѣвой стороны осужденнаго, сейчасъ-же позади его. Осужденный долженъ быть обращенъ лицомъ къ западу, а секундантъ къ сѣверу и при такомъ положеніи долженъ быть нанесенъ ударъ. Когда секундантъ видитъ, что его ассистентъ подходитъ съ мечемъ на поднось, то онъ долженъ закалить свои нервы и заставить смолкнуть бѣненіе своего сердца. Когда поднось будетъ положенъ передъ осужденнымъ, онъ долженъ принять такое положеніе, при которомъ ему удобнѣе всего нанести ударъ. Онъ долженъ встать на лѣвую ногу, а потомъ правую выставить впередъ и въ такомъ положеніи приготовиться къ удару; — впрочемъ, такое положеніе не обязательно: онъ можетъ измѣнить взаимное положеніе ногъ такъ, какъ находитъ для себя болѣе удобнымъ. Когда осужденный протянетъ свою руку, чтобы взять поднось и въ это время наклонить немного голову впередъ, секундантъ наноситъ ударъ мечемъ—это одинъ изъ самыхъ удобныхъ моментовъ для удара. Относительно этого имѣются всякаго рода традиціи. Нѣкоторые говорятъ, что осужденный долженъ взять поднось и поднести его почтительно ко лбу и затѣмъ уже положить его передъ собой—и что въ этотъ самый моментъ долженъ быть нанесенъ ударъ. Указываютъ три другихъ момента,

удобныхъ для отсѣченія головы: первый,—когда кинжалъ лежитъ еще на подносѣ, второй,—когда осужденный смотритъ на лѣвую сторону живота передъ тѣмъ какъ взрѣзать его, третій,—когда онъ наноситъ себѣ ударъ кинжаломъ. Если эти три момента пропущены, то бываетъ очень трудно отрубить голову. Такъ говорятъ традиція и практика. Нѣкоторыми указываются четыре момента, удобныхъ для удара мечемъ: первый,—когда секундантъ отходитъ, отдавъ подносъ съ кинжаломъ; второй,—когда осужденный притягиваетъ къ себѣ подносъ; третій,—когда онъ беретъ кинжалъ въ свою руку и четвертый,—когда онъ дѣлаетъ порѣзъ живота. Хотя всѣ эти три момента допускаются, но первый изъ нихъ слишкомъ ранній; послѣдніе три своевременны. Однимъ словомъ голова должна быть отсѣчена безъ всякаго лишняго промедленія. Если голова отрублена удачно, то секундантъ не долженъ поднимать своего меча, но, держа его остриемъ книзу, отойти немного назадъ и вытереть лезвіе, вставши на колѣни. Секундантъ долженъ имѣть при себѣ достаточное количество приготовленной бѣлой бумаги за поясомъ, или за пазухой, чтобы вытереть окровавленный мечъ. Когда онъ вложить мечъ въ ножны, то долженъ привести свой костюмъ въ порядокъ и сѣсть поодаль сзади. Когда голова упала, то входитъ младшій секундантъ, беретъ голову и показываетъ свидѣтелю для осмотра. Когда тотъ отождествитъ ее, то церемонія считается оконченной. Если нѣтъ ни ассистента, ни младшаго секунданта, то секундантъ, какъ только голова бываетъ отрублена, держа въ лѣвой рукѣ свой мечъ за острие, беретъ голову за пучекъ волосъ, собранный на макушкѣ¹⁾, направляется къ свидѣтелямъ, обходя трупъ съ правой стороны и показываетъ свидѣтелю профиль головы, приложивъ подбородокъ ея къ рукояткѣ меча и опустившись на лѣвое колѣно; затѣмъ, вернувшись назадъ и обойдя трупъ съ лѣвой стороны, встаетъ снова на лѣвое колѣно и переложивши въ лѣвую руку голову, прислоненную теперь уже къ лезвію меча, показываетъ свидѣтелю лѣвый профиль лица. Это можетъ дѣлаться еще и иначе. Секундантъ, положивши мечъ, вынимаетъ изъ за пазухи листъ бумаги, помѣщаетъ его на ладонь своей лѣвой руки и, взявши пучекъ волосъ въ свою правую руку, кладетъ голову на бумагу и въ такомъ видѣ представляетъ для осмотра. Людми, опытными въ умѣньи владѣть мечемъ, различаются три способа ношенія меча. Если рангъ осужденнаго выше чѣмъ секунданта, то мечъ держится обращеннымъ кверху; если одинаковъ, то прямо въ центрѣ тѣла; если нисшій, то мечъ опускается книзу. Отрубать голову секундантъ долженъ, вставши на одно колѣно,—но нѣтъ ничего предосудительнаго, если онъ дѣлаетъ это и стоя. По мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, если церемонія совершается внутри дома, то

¹⁾ Старинная національная мужская прическа японцевъ — цю-маге.

секундантъ долженъ встать на колѣно, а если въ саду, то долженъ отрубить голову, стоя. Впрочемъ, это не столь важный вопросъ, чтобы на немъ долго останавливаться, или упорно настаивать. Секундантъ долженъ дѣлать свое дѣло въ такомъ положеніи, какое представляется ему наиболѣе удобнымъ.

Секундантъ ассистентъ долженъ знать, какъ слѣдуетъ поднести поднось съ мечемъ. Это должно быть сдѣлано совершенно спокойно,—именно послѣ того какъ осужденный занялъ свое мѣсто. Подносъ долженъ быть положенъ такъ, чтобы осужденный могъ достать кинжалъ, лишь вытянувши руку,—онъ старится приблизительно въ 3-хъ футахъ отъ осужденнаго. Затѣмъ ассистентъ возвращается на свое мѣсто. На обязанности ассистента лежить, въ случаѣ проявленія осужденнымъ знаковъ волненія, оказать свое содѣйствіе такъ, чтобы голова могла быть отрублена надлежащимъ образомъ. Однажды осужденный, принявъ подносъ отъ секунданта, продолжалъ долго держать его въ рукахъ, не кладя обратно, пока лица, находившіяся по близости къ нему, не повторили ему нѣсколько разъ, чтобы онъ положилъ блюдо. Случается также, что ассистентъ отходить въ сторону тотчасъ же послѣ того, какъ подносъ будетъ поставленъ около осужденнаго, осужденный же не протягиваетъ руки, и не беретъ кинжала,—въ такомъ случаѣ ассистентъ секундантъ долженъ возвратиться и заставить его взять кинжалъ. Осужденный можетъ просить, чтобы подносъ былъ поставленъ немного поближе къ нему; его желаніе должно быть исполнено. Подносъ можетъ быть помѣщенъ такимъ образомъ, что ассистентъ, держа его въ лѣвой рукѣ, могъ бы передать кинжалъ осужденному, который наклоняется впередъ, чтобы взять его. Какой изъ этихъ трехъ способовъ самый лучший, трудно сказать. Цѣлью, преслѣдуемой всѣми ими, является заставить осужденнаго наклониться впередъ, чтобы принять ударъ. Долженъ ли удалиться ассистентъ или нѣтъ, зависитъ отъ манеры, съ которой держать себя осужденный.

Если осужденный нрава неукротимаго и буйнаго, то, вмѣсто кинжала, ему подносятъ вѣеръ на блюдѣ; если онъ будетъ протестовать противъ этой замѣны, то ему должно объяснить въ отвѣтъ, что замѣна меча вѣеромъ есть древній обычай. Такіе случаи въ исторіи дѣйствительно бывали. Давно тому назадъ, какъ разсказываютъ, въ одномъ дворцѣ дайміо одна мужественная женщина, защищая себя, убила челоуѣка и ей было разрѣшено умереть со всѣми почестями хара-кири. Въ этомъ случаѣ на подносѣ, вмѣсто меча, былъ положенъ вѣеръ. Это вполне удовлетворяетъ требованіямъ этикета. Если осужденный выказываетъ склонность быть буйнымъ, то секунданты, не обнаруживая никакихъ признаковъ безпокойства, должны допѣшнить къ нему и заставить его быстро сдѣлать свои приготовленія и

занять свое мѣсто. Главный секундантъ, обнаживши мечъ, долженъ быть готовъ отрубить голову и, поторопивъ осужденнаго скорѣе продѣлать церемонію принимая блюда съ кинжаломъ, долженъ выполнить свою обязанность, мечемъ не обнаруживъ своего страха.

Нѣкій князь Като, осудивъ одного изъ своихъ совѣтниковъ на смерть, присутствовалъ при церемоніи позади занавѣси изъ бамбуковыхъ полосокъ. Совѣтникъ, имя котораго было Катаяма, былъ приведенъ связаннымъ на мѣсто казни. Онъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ страха, но все время бросалъ свирѣпыя взгляды на занавѣску, скрывавшую отъ него князя. Главный секундантъ, по имени Дзихей, относившійся всегда съ большимъ уваженіемъ къ Катаямѣ, стоя близъ осужденнаго съ мечемъ въ рукѣ, сказалъ ему: «Сударь, вашъ послѣдній часъ насталъ,—будьте добры повернуть вашу голову такъ, чтобы шея выпрямилась». Въ отвѣтъ на это Катаяма сказалъ только: «Вотъ нахальство со стороны этого молокососа» и хотѣлъ оглянуться, но въ этотъ самый моментъ Дзихей нанесъ роковой ударъ. Князь Като освѣдомился потомъ у секунданта, чѣмъ объяснить его странный поступокъ и послѣдній отвѣчалъ, что такъ какъ онъ замѣтилъ, что осужденный замышляетъ предательство, онъ рѣшилъ разомъ убить его на мѣстѣ и тѣмъ сломить навсегда этотъ матежный духъ. Вотъ истинный образецъ присутствія духа, который должны помнить всѣ секунданты.

Когда голова отрублена, то слѣдуетъ младшему секунданту, взявши ее за маковку и положивши ее на бумагу въ лѣвую руку, отнести ее для осмотра свидѣтелю, какъ описано выше. Если голова лысая, то должно проткнуть лѣвое ухо стилетомъ, который имѣется при мечѣ и такимъ образомъ отнести ее свидѣтелямъ. За пазухой у секунданта должна быть бумага. Секундантъ долженъ имѣть при себѣ также пепель и золу для того, чтобы въ то время какъ онъ несетъ голову, не запачкаться въ крови. Когда голова показана свидѣтелямъ, ассистентъ кладетъ ее въ ведро.

Если встрѣтятся какія-нибудь препятствія для исполненія обязанностей у старшаго секунданта, то ассистентъ долженъ заступать его мѣсто. Случилось однажды, что старшій секундантъ прежде совершенія казни разнервничался, но все же отрубилъ голову безъ особенныхъ затрудненій; но, когда онъ взялъ голову въ руки для того чтобы показать свидѣтелю, онъ не могъ болѣе владѣть своими нервами и расплакался,—это вышло очень некстати и неприлично; допускать до этого не слѣдуетъ.
